

Поклонник жизни

Жизнь артиста — и слезы, и смех...

Бадри Майсурадзе было всего полтора года, когда он впервые выступил по грузинскому телевидению — спел песню, выученную вместе с мамой. В 7 лет он записал свой первый диск. 15 лет назад, окончив консерваторию, Бадри приехал в Москву и попал в Большой театр, на стажировку к Зурабу Соткилаве. Он стал солистом Большого театра, спел Альфреда в «Травиате», Радамеса в «Аиде», Ричарда в «Бале-маскараде», Каварадосси в «Тоске», Полиона в «Норме».

Ирина Муравьева

Сегодня Бадри Майсурадзе известен во всем мире и востребован крупнейшими оперными театрами — Ла Скала, Ковент-Гарден, Гранд-опера. В Москве же он выступает нечасто, но поклонники ждут его не только в Большом театре, но и в Центре оперного пения Галины Вишневской, где он третий год ведет вокальный класс.

— Существует мнение, что Грузия — это страна теноров. Действительно, начиная с Вано Сарадидзе, имя которого носит Тбилисская консерватория, лучшие голоса Грузии — тенора. У Нодара Андгуладзе есть размышление о том, что тенор для Грузии — это национальный тембр, и поэтому ведущий голос в грузинских песнях всегда теноровый.

— Я по-другому сказал бы: это характер грузин. Все хотят быть первым голосом. Я представляю себя, своих друзей, друзей моего брата — всех, кто приходит в наш дом, и когда мы поем, каждый хочет показать себя, быть доминирующим. И голос его должен быть выше, звонче.

— Вы начинали когда-то с грузинской музыки, а сейчас практически не поете ее?

— Я обожаю грузинскую музыку: фольклор, оперы Палиашвили, Тактакишвили и всегда пел это с удовольствием. Но все-таки я считаю себя не совсем грузинским певцом. Не в смысле, что я не стопроцентный грузин, а потому, что моя профессия интернациональная. Я пою в опере итальянский репертуар, и было бы странно слышать в какой-нибудь арии призывки гру-

зинской манеры пения. В грузинской опере, наоборот, мне кажется, я пою с каким-то итальянским акцентом. По той же причине я не пою в России русский репертуар, слишком слышен акцент.

— Вы выступаете сейчас в Грузии?

— Да, конечно, когда есть время. Когда там была особенно тяжелая ситуация: все сидели без света, без информации, голодные, я приезжал часто, привозил в Тбилиси известных певцов, дирижеров, музыкантов. Мы давали там мастер-классы, чтобы помочь начинающим музыкантам.

— Для певца важно быть хорошим человеком?

— Плохой человек не может быть хорошим певцом. У певца душа должна быть открытой.

— Вы сейчас поете в основном за рубежом, хотя являетесь солистом Большого театра.

— Дело в том, что раньше в театре шли оперы, в которых я с удовольствием участвовал: «Бал-маскарад», «Травиата», «Лючия», «Аида», «Норма», «Сила судьбы». А сейчас идет тот репертуар, который я не пою в России. Например, постави-

ли «Леди Макбет Мценского уезда». Я пел партию Сергея в Неаполе, в Мадриде, но здесь уйма русских певцов, которые это сделают лучше меня.

— Согласны ли вы с позицией современного поколения певцов, что пение — это бизнес? Не утрачивается ли при этом что-то существенное в профессии?

Нас так воспитывали, что искусство не имеет к бизнесу никакого отношения, имеют только фабрики и заводы. Но совсем недавно мы узнали, что искусство это тоже бизнес.

— Нас так воспитывали, что искусство не имеет к бизнесу никакого отношения, имеют только фабрики и заводы. Но совсем недавно мы узнали, что искусство это тоже бизнес. Я помню, что, когда впервые попал в музей Пикассо в Барселоне и услышал от гида, что Пикассо был хорошим бизнесменом, я решил, что чего-то не понял. Но оказалось все правильно: Пикассо не только рисовал хорошо, но и умел продавать себя. Я долго не хотел соединять

бизнес с искусством. Но теперь уже очевидно, что искусство — это то, чем мы зарабатываем на жизнь, значит, это твой бизнес.

— Вы как-то говорили, что именно поэтому в Большом театре исчезает атмосфера, дух старого театра, который вы еще застали.

— В Большом театре смятение: старые не могут адаптироваться и поменяться, а молодые лоббируют идею бизнеса, и в частности бизнеса в Большом театре. Схема работы Большого театра настолько изменилась, что сейчас даже нет понятия «я солист Большого», «я пою в Большом». Сегодня любовью в России, кто поет в Большом театре премьерный спектакль, может считать себя солистом Большого театра. Такого нет нигде. Если ты спел в Метрополитен-опера, это не значит, что ты солист Метрополитен-опера... В прежние времена в Большом театре был костяк, люди относились к нему как к своему дому, болели за театр, а сейчас большинство приходят сюда просто как на работу: может, что-то сыграют, может, куда-то поедут. Теряется смысл, что Большой — это великое. Все хотят преуспеть, потому что ощущают себя как на пороховой бочке: вот завтра это упадет, и придут другие люди. Солисты боятся, что завтра могут пригласить другого певца, а они окажутся в запасе. Эта напряженность, нервозность создает другую ауру театра, прежний дух утрачен навсегда.

— Некоторые певцы, поющие на Западе, говорят, что там у солистов Мариинки больше шансов получить контракт, чем у певцов из

недоступное. Надо его раскрутить хорошо. Большой в Европе — это реликвия. Это можно продавать в любое время, если подать, как надо.

— Вы сейчас преподаете вокал в Центре оперного пения Галины Вишневской. Что для вас самое важное, что должен уметь певец, чтобы быть востребованным?

— В первую очередь я стараюсь дать им технику. Часто бывает, что к нам попадают уже с проблемами, с испорченным голосом. И нам приходится все исправлять, начинать заново. Поэтому важнее всего дать им техническую опору, чтобы они дольше смогли жить в мире певцов. Стремимся к тому, чтобы они осваивали разные музыкальные стили, языки. Хотя сегодня на Западе и ставятся русские оперы и наши певцы зарабатывают на том, что поют русский репертуар, все-таки, если делать серьезную карьеру, этого недостаточно. Независимо от того, из Грузии ты, из Азербайджана или из России, ты должен обязательно хорошо петь Россини. Тогда у тебя и карьера сложится, и уважения будет больше.

— Бадри, так все-таки певец это «существо поющее», как сказал Нодар Андгуладзе, или это профессия?

— Я не могу отделить искусство от профессии, от бизнеса. Конечно, я певец и у меня душа певца. Но сказать, что я все время певец, — нет. У меня все-таки огромная семья, родня, и я должен думать о других. Так что я не какой-то отстраненный человек, которому, скажем, сообщают, что у него концерт через три дня, настраивают ему инструмент и везут, а он не знает, куда едет, кто приглашает, в каком зале он играет, сколько получает. Он только играет. В жизненном смысле я не имею на это права. Я поклонник жизни, и я так живу.

— А дети ваши не собираются продолжить семейную традицию — заниматься искусством?

— Я рад, что мои дети любят искусство. И Георгий, и Анна с раннего детства слушают музыку, бывают на моих репетициях и спектаклях. Но заниматься искусством дано избранным. Я даже не вокал имею в виду, а вообще искусство. Оно не для всех. Если у них будет желание, я всячески помогу, потому что это очень доброе, хорошее дело.